

Научная статья

УДК 008.1/6

DOI: 10.47475/1994-2796-2025-498-4-106-114

ВЕЩЬ КАК МЕДИАТОР КУЛЬТУРЫ

Владимир Иванович Ионесов

Самарский государственный институт культуры, Самара, Россия, acdis@mail.ru, 0000-0002-6175-5904

Аннотация. В истории культуры отношения между людьми и вещами основаны на онтологической взаимозависимости, символическом обмене и взаимодополняемости. Культурный процесс взаимодействия человека с предметным миром предстаёт в виде социальной драмы и опыта преодоления, которые сопровождаются всевозможными испытаниями, манипуляциями, перевоплощениями, утратами и достижениями. Предметный мир культуры разнообразен в той же мере, как сама история: в нём можно усмотреть символы, знаки, намёки, нарративы, события. И в этом видится когнитивная значимость вещи как своего рода материального носителя исторической памяти, хранителя социальных знаний и выразителя культурных перемен. Есть и другие причины рассматривать вещи как важный и информативный материал для культурологических исследований. Всякая вещь выражает специфический набор деятельностных возможностей человека, иными словами, предстаёт в виде некой модели культуры, привязанной к конкретному творцу, месту и времени. Вещи выступают в культуре и как посредники в отношениях человека с двумя мирами — социальным и природным. Предметный мир по причине своей изначально заданной функциональности насквозь диалогичен, то есть покрыт густой коммуникативной сетью, соединяющей материальные объекты с их носителями и создателями. В этой позиции каждая вещь предстаёт участником развёрнутого в культуре разговора о последних запросах бытия, поскольку любой артефакт создаётся для решения какой-то актуальной задачи, для заполнения того, чего нет и в чём люди нуждаются. Предметы пользования становятся посредниками между человеком и объектом, и между другими людьми. Диалог прошлого с настоящим, человека и вещи требует своего рода «перезагрузки форм», а не слепого повторения, копирования и подражания. Вещь во взаимодействии с людьми не так проста и вовсе не безобидна. Одномерный человек создаёт одномерные вещи, ему с ними легче, удобнее и понятнее, тогда как творческая личность обычно создаёт оригинальные предметы и старается окружить себя чем-то необычным, нешаблонным. Вещь не безучастна и, в свою очередь, клонирует заложенные в неё качества своего создателя. Безликая вещь часто предрасполагает к беспорядочным мыслям, монотонному образу жизни. Творческая личность пытается изменить вещи, одномерный человек становится её заложником. Смысл развития культуры — создать вторую природу для человека через проникновение в неё, одомашнить окружающий мир, примирить с ним людей, которые, если выразиться мифологическим языком, когда-то были из него изгнаны. Человек перестал быть частью природы, сделав природу лишь частью себя. Вернуть человека в природу без культуры невозможно. Проблема в том, что культура может быть как застенками, так и дверями и даже воротами жизни. Там, где однообразие, — там заточение. Открыть ворота культуры и примирить её с природой становится возможным лишь через разнообразие всего того, что культура создаёт, включая предметный мир людей. Нет ничего дальше от природы, чем бесформенность и монотонность. Вещь не возникает сама по себе — она есть результат целенаправленных усилий, продукт укрощения бесформенной физической данности. При этом процесс изготовления вещи предполагает три необходимых условия для успешного преобразования материи: *на-строение*, *по-строение* и *строение*. *На-строение* — это соединение мысли и чувства. Мысль приводит в движение чувства и побуждает творить. Всякое творение есть выстраивание или *по-строение* определённого заданного порядка (структуры). Правильно заданный порядок воплощается в строении (форме), то есть в самой вещи. Следовательно, вещь как результат предметного преобразования материи соединяет в себе мысль, чувство, структуру и форму. О некоторых аспектах культурных манипуляций в диалоге человека и вещи повествует настоящая статья.

Ключевые слова: человек, вещь, предметные трансформации, артефакт, опредмечивание, коммуникация, символический обмен, визуализация

Для цитирования: Ионесов В. И. Вещь как медиатор культуры // Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 4 (498). С. 106–114. DOI: 10.47475/1994-2796-2025-498-4-106-114.

Original article

THING AS A CULTURAL MEDIATOR

Vladimir I. Ionesov

Samara State Institute of Culture, Samara, Russia, acdis@mail.ru, 0000-0002-6175-5904

Abstract. In cultural history, relationships between people and things are based on ontological interdependence, symbolic exchange and complementarity. The cultural process of human interaction with the objective world appears in the form of social drama and the experience of overcoming, which are accompanied by any kinds of tests, manipulations, reincarnations, losses and achievements. The objective world of culture is as diverse as history itself — in it one can discern symbols, signs, hints, narratives, and events. And this is seen as another cognitive significance of the thing as a kind of material carrier of historical memory, a custodian of social knowledge and an exponent of cultural change. There are other reasons to consider things as important and informative material for cultural studies. Every thing expresses a specific set of human activity capabilities, in other words, it appears in the form of a certain model of culture, tied to a specific creator, place and time. Things act in culture as mediators in the relationship of individual with two worlds — social and natural. The world of objects, due to its originally given functionality, is completely dialogic, that is, it is covered by a dense communicative network that connects material objects with their carriers and creators. In this position, each thing appears as a participant in a conversation about the latest demands of existence, unfolding in culture, since any artifact is created to solve some urgent problem, to fill what is missing and what people need. Items of use become mediators between human being and object, and between other people. The dialogue of the past with the present, person and thing requires a kind of “reboot of forms”, and not blind repetition, copying and imitation. A thing in interaction with people is not so simple and not at all harmless. A one-dimensional person creates one-dimensional things, it is easier, more convenient and understandable for him with them. While a creative person usually creates original objects and tries to surround himself with something unusual, non-standard. The thing is not indifferent and, in turn, clones the qualities of its creator embedded in it. A faceless thing often predisposes to disordered thoughts, a monotonous way of life. A creative person tries to change things, a one-dimensional person becomes its hostage. The meaning of the development of culture is to create a second nature for human being through penetration into it, to domesticate the surrounding world. This is also way to reconcile people with nature, if we speak in mythological language, were once expelled from it. Individual has ceased to be a part of nature, making nature only a part of himself. It is impossible to return human being to nature without culture. The problem is that culture can be both dungeons and doors and even gates to life. Where there is monotony, there is imprisonment. Opening the gates of culture and reconciling it with nature becomes possible only through the diversity of everything that culture creates, including the material world of people. There is nothing further from nature than formlessness and monotony. A thing does not arise by itself — it is the result of purposeful efforts, the product of taming formless physical reality. At the same time, the process of making a thing presupposes three necessary conditions for the successful transformation of matter: mood, construction, and, in fact, structure. Mood is a combination of thought and feeling. Thought sets feelings in motion and encourages creation. Every creation is the construction (construction) of a certain given order (structure). A correctly given order is embodied in the structure (form), i. e., in the thing itself. Consequently, a thing as a result of the objective transformation of matter combines thought, feeling, structure and form. This article describes some aspects of cultural manipulations in the dialogue between individual and thing.

Keywords: human being, thing, subject transformations, artifact, objectification, communication, symbolic exchange, visualization

For citation: Ionesov VI. Thing as a Cultural Mediator. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2025;(4(498)):106-114. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2025-498-4-106-114.

Мы понимаем, что любой объект следует рассматривать как некое событие.
Джон Кейдж (1912–1992)

Введение

Настоящая статья продолжает рассмотрение социальной природы и особенностей взаимодействия мира людей и мира вещей в культурном пространстве социума. Данная тема была начата автором в предыдущих материалах, включая

статьи в недавних номерах «Вестника ЧелГУ» [3–6]. Мир вещей в своих исторических и современных трансформациях выражает сложный путь поступательного движения от «голового» человека к опредмеченной природе — культуре и от культуры к опредмеченному человеку. Вещь

не возникает сама по себе — она есть результат целенаправленных усилий, продукт укрощения бесформенной физической данности. Люди создают вещи, которые впоследствии создают нас самих, определяя наши мысли, чувства, решения и поступки.

Человек, распредмечивая себя, опредмечивает бесформенную материю, так же, как распредмечивая вещь, человек опредмечивает себя. Это обстоятельство предопределяет антропоцентрическую природу вещи. Следовательно, распознавание вещи возможно лишь через понимание человека и всей системы его жизнедеятельности. Истоки веществования — в незавершённости человека, который с помощью вещей достраивает и доопределяет себя, утверждает своё присутствие в мире, прикрывает свою антропологическую наготу («неспецифицированность» по Э. Ротхакеру или «недостаточность» по А. Гелену) окультуренным предметным одеянием. Незавершёность человека есть своего рода «проклятая доля» (по Ж. Батаю), наделяющая его избытком энергии, которую приходится расходовать методом проб и ошибок в нескончаемой драме борьбы за выживание.

Согласно В. Н. Топорову, в основании процесса опредмечивания культуры «лежит фундаментальное противопоставление сокрытого и открытого и — в известной степени — отсутствия и присутствия, небытия и бытия, ничто и что, ... тот решительный поворот взгляда и мысли, благодаря которому вещь, по сути дела, выходит из своего состояния вечной проклятости и овеществлённости» [10, с. 73]. Но, вырванная человеческой рукой из природы, материя начинает свою собственную жизнь в статусе вещи, где, соединяясь с другими рукотворными объектами, тиражируется и преумножается в колоссальное предметное сообщество всевозможных артефактов.

Причём этот процесс идёт по нарастающей, и в ряде аспектов в нём можно усмотреть определённую гуманистическую направленность. Что же есть нравственного в этой трансмиссии исторических артефактов культуры? По мнению В. Н. Топорова, «Человеческое» в вещи — в той ауре духовности и душевности, которыми человек добровольно и свободно делится с вещью, как бы умалаясь и снисходя к ней. Условия соглашения определяются самим актом передачи «человеческого»: вещь выигрывает в том отношении, что «заражается» человеческим, приобретая новое «вневещное» измерение помимо исходного фонового «вещного»; человек выигрывает в том, что распространяет «человеческое» и вне себя,

с тем, чтобы и вещь могла теперь свидетельствовать о нём и с большим правом включиться в процессы формирования ноосферы» [10, с. 93]

Человек создаёт вещь, чтобы её использовать, но с этого момента и сам предмет начинает управлять своим творцом, прикрепляясь к его телесности, ко всему тому, без чего человек обойтись уже не может. «Суть этой перемены взгляда, как считает В. Н. Топоров, в том, что вещь, как бы освобождаясь от своей подчинённости, “прикладности”, пассивности, вынуждает человека задавать вещи вопрос о ней самой: “Что это такое?”» [10, с. 73].

Так где же проходят границы вещи? Где и когда вещь перестаёт быть вещью? Возьмём, к примеру, со стола обычный лист бумаги для принтера как отдельную вещь. Теперь попытаемся визуализировать её распад и исчезновение. Попробуем разделить эту вещь на части, чтобы дойти до того фрагмента, которую уже вещью назвать нельзя. Уничтожаем ли мы вещь, разрывая лист бумаги? Мы видим, что, разорвав лист на две части, вещь не только не исчезла, но даже преумножилась. Была одна вещь (лист), стало две. В процессе своего исчезновения лист бумаги как бы «клонировал» себя, и все мои попытки его уничтожить лишь создают ещё больше вещей — обрывков бумаги. Здесь каждый акт уничтожения вещи всякий раз удваивает количество вещей. Ведь разорвав один лист — получаю два листа, разорвав каждый из двух — получаю четыре, потом восемь, шестнадцать и т. д. Но где предел этого расчленения и разрушения? Когда можно будет говорить о том, что вещь исчезла? Является ли самый крохотный фрагмент, оставшийся от бумажного листа — вещью? Очевидно, что, разорвав лист на самые мелкие частички, я лишь создал множество новых вещичек. Ведь каждая гранула листа продолжает оставаться его частью и сохранять название, то есть быть вещью под названием «частица листа». Признание самого этого факта не позволяет вещи исчезнуть, но лишь до тех пор, пока вещь *вещает* нам о том, что она есть. Но представим, что последнюю разорванную микроскопическую частицу бумаги, сдувает ветер и она вылетает из окна на улицу. Глядя на летящую в воздухе крупицу, никто из случайных прохожих не признает в этой еле различимой мелочи вещь под названием «частичка бумаги». Вещь исчезла. Следовательно, как только предмет перестаёт распознаваться, то есть *вещать* о том, что он есть, вещь перестаёт быть вещью, артефактом культуры. Хотя и в этом случае нераспознанная

бумажная частичка может снова обрести статус вещи, но лишь тогда, когда её окультуруют, прикрепят к ней новое имя и функцию. Например, начнут использовать в искусстве аппликации или в каком-нибудь другом виде деятельности.

Обращает на себя внимание и проблема транспортировки через вещь воспринимаемой человеком реальности. В этом процессе проявляются не только возможности, но и противоречия. Вещь как результат воспринятой, доступной и переработанной действительности так или иначе раскалывает мир, расчленяет его на части, сегментирует и дробит изначальную необработанную материю. С помощью слова вещь доопределяется. Вещь обретает свою завершённость, соединившись со своим названием (именем). Но и слово есть вырванный, отобранный и пронумерованный мыслью образ, частица того, что человек видит. «Убеждаюсь, что не понятия не люблю, а слова. Назовите мне ту же вещь другим именем — и вещь внезапно просияет» (М. И. Цветаева). Восприятие мира всегда больше зафиксированного в голове образа — мысленного или словесного изображения реальности. Все эти переходы — мысли в образ, образа в слово, слова в вещь — каждый раз урезают изначальную воспринимаемую реальность. Реальность всегда богаче мысли, мысль — образа, образ — слова, и слово всегда больше, чем сама вещь. Какой бы совершенной ни была вещь, она всегда остаётся инородным телом для природы. Люди родственны телом, но не своими мыслями, словами и вещами [7, с. 54]. На этом замешаны все социальные противоборства и конфликты, сопротивление культур и нескончаемая драма человеческой жизни.

Обсуждение

Вещь служит проводником перемен между прошлым и будущим. У каждой вещи свой путь в культуре и свой исторический статус. На «витрине» большой и разнообразной культуры у каждого предмета своё место для экспонирования. За социально значимыми артефактами культуры закрепляется статус события, персонажа, символа и раритета. Так, личные вещи знаменитостей спустя какое-то время часто трансформируются в музейный экспонат. Будь то дирижёрская палочка С. С. Прокофьева (Российский национальный музей музыки, Москва) или шляпа и трость Чарли Чаплина (музей «Мир Чарли Чаплина», «Мануар-де-Бан», Швейцария) и пр. Но случается, что и вещь рядового человека в силу его нео-

бычной судьбы переносит на себя опыт скитания, преодоления и спасения своего владельца. Таковыми предметами являются чемодан Акселя Ландмана (Музей мира в английском Брэдфорде) или семейная реликвия в виде гобелена Анны Бахтамян-Иоаннесян [3; 6].

История всякий раз доказывает, что формотворчество в культуре — будь то предметное или словесное — предстаёт в мире людей как средство выживания и спасения. Сила притяжения, исходящая от вещей в культуре, лучше всего раскрывается в пограничных ситуациях, когда люди оказываются в безысходном положении, спасаясь от преследования, отчуждённости, опасности или физической немощи. Вещь в границах и переходах культуры обретает особый жизненный смысл. Этот процесс полнее всего иллюстрирует культура детства или, точнее, детское обращение с доступными им предметами. Вещи, сначала в виде разноцветных игрушек, становятся для них своего рода спасительным пристанищем и одновременно первым собеседником, с которым дети начинают разговаривать. Позднее дети сами начинают конструировать свои собственные артефакты, давая им имена, прикрепляя к ним истории, придумывая на их основе всевозможные образы, считалки, заклинания, жесты, игры и пр. По существу, мир культуры детства наглядно воспроизводит процесс культурогенеза во всей его глубине, остроте и разнообразии.

Создавая собственный миниатюрный предметный мир, дети культивируют свою стратегию выживания и как бы повторяют процесс зарождения культуры, изначально сопровождаемый жёстким противостоянием с потенциально враждебной средой. В таких ситуациях первичным строительным материалом, как правило, становится всё то, что есть под рукой. Но даже то, что скрыто, не выпадет из поля зрения нуждающегося в защите. В этом можно убедиться, глядя на смекалку и пронырливость детей, когда они увлечены игрой.

Как точно подметил В. Беньямин, «Дело в том, что дети обладают особой склонностью выискивать всевозможные места, где видно, как идёт работа над вещами. Их неодолимо притягивают строительные отходы, мусор, скапливающийся во время шитья или уборки дома, работы в саду или в столярной мастерской. В обрезках и стружках они узнают тот лик, который мир вещей обращает именно к ним, к ним одним. Играя, придумывая отходам применение, они не столько повторяют созданное взрослыми, сколько вызывают

к жизни новые, неожиданные отношения между материалами самого разного рода. Таким образом дети сами создают для себя свой мир вещей, маленький мир в большом. Нормы этого маленького вещного мира не мешало бы учитывать тем, кто пытается создать что-то специально для детей, не считая нужным дать собственной деятельности со всем её реквизитом и инструментарием возможность самой прокладывать путь к детям» [14, с. 23–24].

Показательным предстаёт пример детско-го беспризорничества в первые годы окончания Гражданской войны в России, описанный в романе Г. Яхиной «Эшелон на Самарканд» (2021). Дети, не имея ничего кроме обветшалого и рваного тряпья на теле, голые и голодные, лишённые доступа к материальным благам, начинают искать спасение через конструирование своего собственного культурного пространства. Дети создают свою среду выживания посредством живого словотворчества и формотворчества — изобретая доступные и понятные им языковые и предметные артефакты, символические игры, художественные и мифологические истории, ритуальные действия, защищая себя набором самых разных вещичек, заклинаний и оберегов от суровых вызовов конфликтующего мира. И главное — это их действительно спасало. Выпавшие из социума и отвергнутые обескровленной культурой дети находят и выстраивают с помощью подручных средств для себя спасительную обитель. Своими мыслями, переживаниями и руками они создают всё то, за что можно ухватиться, что способно облегчить боль и самоопределиваться в предельно критических испытаниях жизни.

Красноречивые сюжеты и эпизоды, раскрывающие феномен детского культуротворчества, детально прописываются в многочисленных диалогах и историях героев романа Г. Яхиной. В книге, основанной на документальном материале, показывается, как, переживая лишения, скитания и голод, в первые годы после Гражданской войны в России бездомные дети выстраивают с помощью имеющихся у них простецких аксессуаров маленький предметный мир со своими ценностями, языком, символами, ритуалами и мифами. Вот как автор в романе художественно описывает процесс создания детьми-беспризорниками собственной культурной среды подручными средствами.

«Кружку одалживают не у всех, только у самых фатовых: выпьешь из такой — кусочек чужого форта тебе и перепадёт... Все найден-

ные и подобранные предметы из металла (гайки, обломки инструментов, куски проволоки) вешали на стены или в изголовье нар. Стибрили у портнихи иглу и по очереди высиживали её в укромном уголке — на третьей полке, под потолком, — пока при очередном шмоне комиссар не обнаружила швейный инструмент и не вернула хозяйке. ...Именно для привлечения удачи (или отпугивания неудачи) совершались всякие акробатические трюки, находились и присваивались металлические предметы (высшую ценность представляла сталь, меньшую — бронза, латунь и железо), жертвовалась еда, придумывались клички. Лишённые семьи, да и любого другого организованного по правилам общества — школы, коммуны, — дети сами изобретали для себя правила и сами для себя, сообща, становились семьёй. Словесные формулы, выученные жесты, отработанные ритуалы скрепляли эту разнородную и разномастную ораву, дарили мгновения совместного чувствования. ...Для одалживания ценных вещей ..была разработана целая церемония, уж слишком серьёзным и рискованным казалось дело. Хозяин — при свидетелях, и лучше бы их было побольше, — передавал на раскрытой ладони предмет со словами: “Отвечаешь”. Второй участник сделки — ещё не касаясь вещи, а только подтверждая своё честное намерение попользоваться и непременно вернуть — произносил встречную реплику: “Именно я — когда я хочу, как я хочу, где я хочу и чем я хочу”. Хозяин закреплял сказанное ещё одной словесной формулой: “Не с мухи, не с комара, а именно с тебя”. — “Чур, слово не сменяется!” — подтверждал проситель. Свидетели чинно кивали, и только после этого разрешалось забрать предмет... Так дети пытались управлять миром или хотя бы задобрить его недружелюбие» [14, с. 256–259].

Как поясняет В. Н. Топоров: «Вещь, действительно, оказывается способной, подобно проводнику, вести человека, как бы вступая с ним в диалог. Сама эта ведóмость человека вещью говорит о многом: в ней (ведóмости) вещь перерастает свою “вещность” и начинает жить, действовать, веществовать в духовном пространстве» [10, с. 80].

Не случайно вещь служит популярным объектом фольклорного творчества. Ни один язык не обходится без поговорок, пословиц и притч, в которых вещь выступает главным персонажем. Например, в русском лексиконе: «Дорога ложка к обеду», «Сухая ложка рот дерёт», «Ложка, забытая на столе, — к гостю», «Книга — друг чело-

века», «С книгой жить — век не тужить», «Промеж двери пальца не клади». Впрочем, и человек несёт на себе отпечатки вещи. Достаточно отметить некоторые русские фамилии, основанные на ассоциациях с предметами: Гвоздев, Горшков, Шилов, Ложкин, Стеклов, Колокольцев, Кольцов, Ключин, Молотов, Тарелкин и пр. Об этом говорят и многочисленные русские пословицы: «Руки-крюки» («крюк» — толстый металлический стержень с загнутым концом), «Не в свои сани не садись», «Своя рубашка ближе к телу» и пр.

В. Н. Топоров проникновенно отмечает приущую русской культуре интимно-душевную связь человека и вещи, «ту прилепленность души к вещи, которая возникает из близости человека к вещи, от раздумий над смыслом этой близости, и которая «заражает» вещь человеческим началом, одухотворяет её, вводит вещь и в сферу духовности при сохранении как основного её материального локуса, хотя бы потому, что и косный материал вещи может служить зеркалом подвижного человеческого духа» [11, с. 9].

Производство вещи реализует три необходимых условия для надлежащего опредмечивания материи: *на-строение*, *по-строение*, и собственно, *строение*. Настроение — это соединение мысли и чувства и их передача предмету. Мысль приводит в движение чувства и побуждает творить, опредмечивать мир. Всякое творение есть выстраивание (построение) определённого заданного порядка (структуры). Правильно заданный порядок воплощается в строении (форме), то есть в самой вещи. Следовательно, вещь как результат предметного преобразования материи соединяет в себе мысль, чувство, структуру и форму.

В этом плане обращение вещей в социуме строится на интересубъективной основе. Предметы «не только проблемны, но и диалогичны» [12, с. 66]. Их расстановка в культуре, способы их бытования выражаются антропоцентрической перспективой, где вещь — персонаж-посредник-вещатель-ретранслятор, а вся материальная культура — своего рода сцена, где звучат, *вещают* голоса, передаётся информация от материала к материалу, от формы к форме, от функции к функции, от сюжета к сюжету, от замысла к результату... Тем самым этимологическая модуляция вещи делает её коммуникативным агентом по передаче культурных посланий, проектировщиком предметно-знаковой реальности, особенно предметного нарратива. Данная миссия вещей получает своё наивысшее признание в сакрализации артефактов, которые становятся в культуре

объектами идеализации и поклонения. Таковыми следует считать, например, синдромы безудержного товарного фетишизма в технотронном обществе. Нельзя не согласиться с В. Флюссером, что «современное положение дел в культуре можно охарактеризовать как идолопоклонство» [12, с. 68].

Следовательно, предметы зачастую выступают трамплином для креативных идей и преобразования реальности, но в некоторых случаях становятся стенами, отгораживая человека от большой и разнообразной жизни. Как тут не признать: за что прячешься, тем и становишься, «а за дверью — сам дверь» [1, с. 61].

«Предметы пользования — разъясняет В. Флюссер — это препятствия, необходимые мне для дальнейшего продвижения, и, работая мне на пользу, они становятся переработанными. А переработанные предметы пользования суть предметы, в которых утрачен изначальный набросок, посредством которого они оказались брошены на моём пути» [12, с. 69]. Вещь создаётся для того, чтобы её использовать, она есть опредмеченная цель человека или продукт реализации его экономического или эстетического замысла. Лишённый этих необходимых предпосылок материальный объект теряет свою значимость уже на стадии своего изготовления, человек отстраняется от него, ибо предмет делается ненужным. При этом всякая вещь включается в культуру через предметное воплощение созданного именно для неё первоначального наброска, основного замысла. Так, письменный стол сделан для того, чтобы на нём писать. Использовать на нём уже написанное станет мотивацией для другого наброска и последующего за ним процесса изготовления новой вещи или сопряжённой с ним предметной композиции.

В любом случае без вещи не обойтись. Именно благодаря артефактам культуры люди собирают и упорядочивают для себя среду обитания, или как точно подметила С. Сонтаг «коллекционируют окружающий мир» [8, с. 55]. Человек с помощью рукотворных объектов прокладывает путь для своей жизнедеятельности — для того, чтобы потом по нему передвигаться, хранить и транспортировать материальные и духовные ценности. Антропоцентрическая завязка вещи делает возможным перейти от постижения сущности вещи к постижению смысла человеческого мира. Об этом весьма проникновенно прописано у Достоевского в беседах и поучениях старца Зосимы в «Братьях Карамазовых»: «Будешь любить

всякую вещь и тайну Божию постигнешь в вещах. Постигнешь однажды и уже неустанно начнёшь её познавать всё далее и более, на всяк день. И полюбишь наконец весь мир уже всецело, всемирною любовью» [2, с. 289].

Заключение

Итак, окружающий человека мир во многом ранжируется, распределяется, распространяется и распознаётся с помощью вещей. Каждая вещь есть своего рода спрессованная и упакованная среда человеческого обитания — форма, заполненная реальностью. Оформленная или укрощённая действительность уже не страшит, она доступна для наблюдений, экспериментирования, сохранения и передачи того, что достигнуто, отвоёвано у природы. «Материальный мир — суть то, что удаётся затолкать в формы; он представляет собой некоего рода наполнитель», — уточняет В. Флюссер [12, с. 24–25, 27]. Нет вещей без формы, как нет культуры без вещей. В предметных образцах культуры нагляднее всего визуализируется процесс слияния идеи и формы. Физический мир передаёт свои качества миру культурному, который в свою очередь сцепляет и примиряет тело, форму и дух. Этот процесс, прямо или косвенно, фиксируют и отображают в себе именно вещи. Человек, транспортируя природные материалы в культуру, создаёт вещи, в которых искусно воссоздаётся и ретранслируется история повседневности.

Форма делает вещь узнаваемой, а следовательно, способной создавать и передавать другие формы, причём не только материальные, но также духовные и соционормативные. Вещь — аналог человеческого тела, его одевание и прикрытие, а также способ транспортировки идеи в форму и размещения объекта в рамку.

Однако зачастую мы смотрим на многие вещи урезанным взглядом, не желая проникнуться оптическим зрением, увидеть предмет во всём его многообразии. В социальных отношениях такой ограниченный и усечённый подход мешает взаимопониманию людей, искажает наши пред-

ставления о об артефактах культуры. Вглядываясь и проникая в суть вещей, человек способен отойти от безжизненной и пагубной одномерности и научиться замечать обычное в необычном и необычное в обычном. Т. Уэбстер-Дойл полагает, что для того, чтобы стать осведомлённым и не пропускать важные детали, полезно начать с пристального наблюдения за самыми доступными и известными вещами в нашей повседневной жизни. Научиться видеть в них не только внешнее и очевидное, но и нечто иное, иногда скрытое от поверхностного взгляда, но сущностное, всецело принадлежащее им [11, с. 134–135]. Осмысленное и проникновенное восприятие самых обыденных и незаметных артефактов может стать ключом к пониманию более сложного нарратива в диалоге человека и вещи. Только этот ключ открывает двери большой и разнообразной жизни и позволяет «разглядеть за деревьями лес, за предметами — живую и богатую историю взаимоотношений с материальным миром культуры.

Культура во многом благодаря вещам спасает человека от наготы, от ожога об реальность. Мир людей имеет несколько внешних защитных культурных оболочек, соединяющих идеи, язык, символы, нормативы, ценности и вещи. Ими обставляется культурная реальность и поддерживается необходимый порядок. Вещи преграждают путь к смерти, и, если смерть приходит в культуру, то в виде развеществления. Но в ряде случаев и культурный инструментарий может использоваться с пагубной целью. Избыток предметного мира нарушает сбалансированный порядок внутренней среды культуры и способен лишить человека надлежащей свободы, делая его заложником своей собственной материальной продукции. Проблема ещё и в том, что иногда предметы, которые обрамляют культуру, «скрывают за собой — больше, чем просто наготу стен. Они маскируют трещины в стенах и вместе с ними — опасность того, что здание может рухнуть и погрести нас под своими обломками» [12, с. 91]. Поэтому лозунг «Осторожно, вещь!» — звучит сегодня как никогда актуально.

Список источников

1. Беньямин В. Улица с односторонним движением. М. : Ад Маргинем Пресс, 2012. 128 с.
2. Достоевский Ф. М. О молитве, о любви и о соприкосновении мирам иным (роман «Братья Карамазовы»). URL. <https://klassika.ru/read.html?proza/dostoevskij/karams.txt&page=78> (дата обращения 12.11.2023)
3. Ионесов В. И. Память вещи: «Дух Армении» в образах и сюжетах забытого артефакта. Самара : Самарам, 2021. 322 с.

4. Ионесов В. И. Предметный мир в диалоге человека и вещи: некоторые культурологические прояснения // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 4 (486). С. 12–22.
5. Ионесов В. И. Артефакты наследия как область творчества и визуализации памяти в меняющейся культуре // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 9 (491). С. 57–67.
6. Ионесов В. И. Люди и вещи: то, что мы создаём, и то, что создаёт нас. Самара : Самарама ; Прайм, 2024. 420 с.
7. Кампер Д. Тело. Насилие. Боль : сборник статей. СПб. : Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2010. 174 с.
8. Котт Дж. Сьюзен Сонтаг: Полный текст интервью для журнала Rolling Stone. М. : Ад Маргинем Пресс, 2015. 128 с.
9. Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. М. : Прогресс, 1995. 634 с.
10. Топоров В. Н. Вещь в антропоцентрической перспективе // *Aequinox*. М., 1993. С. 70–94.
11. Уэбстер-Дойл Т. Книга-музей для понимания корней предрассудков и предрассудков. Узнай больше о том, как сделать жизнь безопаснее и добрее / пер. с англ. В. И. Ионесова. Самара : Издательство СНИЦ, 2022. 164 с.
12. Флюссер В. О положении вещей. Малая философия дизайна. М. : Ад Маргинем, 2016. 160 с.
13. Хайдеггер М. Поворот // Новая технократическая волна на Западе. М. : Прогресс, 1986. С. 85–92.
14. Яхина Г. Ш. Эшелон на Самарканд. Роман. М. : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2021. 507 с.
15. Ionesov V. I., Kurulenko E. A. Things as Characters of Culture: Symbolic Nature and Meanings of Material Objects in Changing World // *Scientific Culture*. 2015. Vol. 1, № 3. P. 47–50.

References

1. Ben'yamin V. Ulicza s odносторонnim dvizheniem. Moscow; 2012. 128 p. (In Russ.).
2. Dostoevskij FM. O molitve, o lyubvi i o soprikosnovenii miram in'y'm (roman "Brat'ya Karamazovy"). Available from: <https://klassika.ru/read.html?proza/dostoevskij/karams.txt&page=78> (accessed: 12.11.2023) (In Russ.).
3. Ionesov VI. Pamyat' veshhi: "Dux Armenii" v obrazax i syuzhetax zaby'togo artefakta. Samara; 2021. 322 p. (In Russ.).
4. Ionesov VI. Predmetny'j mir v dialoge cheloveka i veshhi: nekotory'e kul'turologicheskie proyasneniya. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2024;(4(486)):12-22. (In Russ.).
5. Ionesov VI. Artefakty' naslediya kak oblast' tvorchestva i vizualizacii pamyati v menyayushhejsya kul'ture. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2024;(9(491)):57-67. (In Russ.).
6. Ionesov VI. Lyudi i veshhi: to, chto my' sozdayom, i to, chto sozdayot nas. Samara; 2024. 420 p. (In Russ.).
7. Kamper D. Telo. Nasilie. Bol' : sbornik statej. St. Petersburg; 2010. 174 p. (In Russ.).
8. Kott Dzh. S'yuzen Sontag: Polny'j tekst interv'yu dlya zhurnala Rolling Stone. Moscow; 2015. 128 p. (In Russ.).
9. Toporov VN. Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovaniya v oblasti mifopoe'ticheskogo. Moscow; 1995. 634 p. (In Russ.).
10. Toporov VN. Veshh' v antropocentricheskoj perspektive. *Aequinox*. Moscow; 1993. Pp. 70–94. (In Russ.).
11. Ue'bster-Dojl T. Kniga-muzej dlya ponimaniya kornej predrassudkov i prepiratel'stv. Uznaj bol'she o tom, kak sdelat' zhizn' bezopasnee i dobree. Samara; 2022. 164 p. (In Russ.).
12. Flyusser V. O polozhenii veshhej. Malaya filosofiya dizajna. Moscow; 2016. 160 p. (In Russ.).
13. Hajdegger M. Povорот. In: Novaya texnokraticheskaya volna na Zapade. Moscow; 1986. Pp. 85–92. (In Russ.).
14. Yaxina GSh. E'shelon na Samarkand. Roman. Moscow; 2021. 507 p. (In Russ.).
15. Ionesov VI, Kurulenko EA. Things as Characters of Culture: Symbolic Nature and Meanings of Material Objects in Changing World. *Scientific Culture*. 2015;1(3):47-50. (In Russ.).

Информация об авторе

В. И. Ионесов — доктор культурологии, кандидат исторических наук, профессор кафедры культурологии, музеологии и искусствоведения.

Information about the author

V. I. Ionesov — Doctor Sci. (Culturology), Candidate Sci. (History), Professor of the Department of Cultural Studies, Museology and Art History.

Статья поступила в редакцию 03.02.2025; одобрена после рецензирования 02.04.2025; принята к публикации 04.04.2025.

The article was submitted 03.02.2025; approved after reviewing 02.04.2025; accepted for publication 04.04.2025.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.